

Е.Н. Трубецкой

**История философии права
(древней)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Е11

Е11 **Е.Н. Трубецкой**
История философии права: (древней) / Е.Н. Трубецкой – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 182 с.

ISBN 978-5-518-07144-5

ISBN 978-5-518-07144-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

плаватель—Посейдона. И это господство божества надъ человѣкомъ не представляется результатомъ случайности; въ основѣ всѣхъ отношеній божескихъ и человѣческихъ лежитъ вѣчная справедливость—*δίκη*, которая и служитъ первоначальнымъ источникомъ всякаго закона; вѣчный законъ царствуетъ не только надъ богами: онъ опредѣляетъ мѣсто каждаго существа въ строѣ вселенной. Въ силу божественной справедливости человѣкъ господствуетъ надъ животными, боги надъ людьми, надъ богами Зевесъ, а надъ Зевесомъ необходимость. Религіозная идея лежитъ въ основѣ всего политическаго міровоззрѣнія Эллиновъ. Въ нашемъ современномъ обществѣ церковь, какъ духовный союзъ, отграничена отъ государства—союза мірскаго. Въ древности этого не было; здѣсь гражданское общество есть вмѣстѣ съ тѣмъ общество вѣрующаго; союзъ духовный совпадаетъ съ союзомъ мірскимъ. Вотъ почему здѣсь воззрѣнія о правѣ окрашены религіозными характерами. „Всякій законъ“, говоритъ Демосенъ, „есть откровеніе и даръ боговъ и догматъ благоразумныхъ людей“. Всѣ древнѣйшіе законодатели окружены ореоломъ божественнаго. Всѣ древнѣйшіе законы разсматриваются, какъ божественныя постановленія и законодатель является органомъ божества, таковы: Тезей въ Аѣинахъ, Ликургъ въ Спартѣ и Миносъ на Критѣ.

Въ основѣ отношеній личности къ государству лежитъ религіозное поклоненіе, и подчиненіе закону—въ Греціи есть своего рода актъ религіозный. Государство господствуетъ надъ личностью, какъ божество; какъ абсолютный властелинъ, оно распоряжается жизнью и имуществомъ своихъ гражданъ. Отдѣльная личность разсматривается, какъ орудіе государства и въ случаѣ коллизіи частнаго интереса съ интересомъ государственнымъ за человѣкомъ не признается никакихъ неприкосновенныхъ священныхъ правъ.

Въ Спартѣ младенцы, родившіеся уродами, истреблялись, какъ неспособные къ службѣ, негодные для государства орудія. Дѣти считались собственностью государства, которое по своему произволу распоряжается ими. Одного приведеннаго примѣра достаточно, чтобы показать бездну, отдѣляющую насъ отъ греческаго міровоззрѣнія. Мы привыкли признавать за человѣкомъ, какъ такимъ, безусловную цѣну; христіанская мораль предписываетъ заботиться о каждомъ человѣческомъ существѣ, независимо отъ его физическихъ качествъ. Христіанство всего больше цѣнитъ въ человѣкѣ его внутреннее нравственное совершенство; напротивъ, съ точки зрѣнія грековъ сама добродѣтель имѣетъ цѣну лишь постольку она мо-

жетъ служить на пользу государству. Въ тѣхъ случаяхъ, когда исключительныя доблести одного лица угрожали интересамъ государства, греки прибѣгали къ остракизму. Такъ напр.: ничѣмъ неповинный, честный Аристидъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ только за то, что соперничество его съThemistocломъ вредило въ борьбѣ съ Персами, нарушая единство и согласіе партій. Государство не довольствуется одними внѣшними требованіями; оно навязываетъ гражданину опредѣленный нравственный и умственный складъ. Оно не признаетъ свободной отъ него человѣческой совѣсти; критическое отношеніе къ государству разсматривается какъ религіозное преступленіе, а критика религіознаго преданія, какъ преступленіе государственное. Величайшій философъ древности Сократъ погибъ жертвой этой нетерпимости религіозной и политической. Человѣкъ поглощенъ своими политическими обязанностями, оторванъ отъ семьи и земледѣлія; участіе въ народномъ собраніи, въ судахъ присяжныхъ и походахъ отнимаетъ все время; гражданину некогда самому заботиться о своемъ пропитаніи; вмѣсто того само государство обезпечиваетъ ему даровой хлѣбъ. Въ Спартѣ свободный гражданинъ не пашетъ земли, потому что онъ вѣчно живетъ походной, лагерной жизнью; въ Аѳинахъ время гражданина поглощено судами и народными собраніями. Государство въ Греціи служитъ конечно цѣлью всего воспитанія юношества. Воспитаніе здѣсь задается цѣлью приготовить государству контингентъ физически здоровыхъ, годныхъ для службы гражданъ. Здѣсь цѣль воспитанія не нравственная, а политическая. Задача воспитанія исчерпывается тѣмъ, чтобы приготовить государству крѣпкихъ воиновъ, патріотовъ и гражданъ, достаточно развитыхъ, чтобы участвовать въ гражданской жизни. Вотъ почему въ Греціи общественное воспитаніе преобладаетъ надъ частнымъ; отстраняя семью, государство само хочетъ быть единственнымъ воспитателемъ юношества. Человѣкъ вѣчно трудится для государства и не имѣетъ времени, чтобы трудиться для себя. Это ставитъ его въ зависимость отъ государства, отъ котораго онъ въ правѣ ждать матеріальнаго вознагражденія за свою службу; и дѣйствительно государство такъ и поступаетъ: въ Спартѣ государство обезпечиваетъ за каждымъ свободнымъ гражданиномъ участокъ земли съ наслѣдственно прикрѣпленными рабами, и господинъ живетъ ихъ трудомъ. Въ Аѳинахъ при Периклѣ народныя собранія и суды присяжныхъ ежедневно поглощаютъ до трети гражданъ. Поэтому при Периклѣ установлена плата за участіе въ народномъ собраніи и эта плата есть *conditio sine qua non*

самой демократіи; только благодаря этой платѣ масса бѣдныхъ людей можетъ отправлять свои обязанности предъ государствомъ— участвовать въ народныхъ собраніяхъ и судахъ. Въ концѣ концовъ въ Аѳинахъ граждане живутъ жалованьемъ, получаемымъ отъ государства и трудомъ раба. Все государство представляетъ господство свободныхъ надъ массой рабовъ. Древній гражданинъ питается трудомъ раба, ибо самъ онъ поглощенъ всецѣло своими политическими обязанностями, потому что государственная жизнь отнимаетъ у него возможность трудиться для себя, потому, наконецъ, что въ Греціи всюду, не исключая демократическихъ Аѳинъ, трудъ заклеиваетъ презрѣніемъ. Рабство является оборотной стороной аристократизма греческаго государства. Сами демократическія Аѳины окажутся на самомъ дѣлѣ аристократическими, если принять во вниманіе, что и здѣсь рабы составляютъ огромное большинство. Въ концѣ концовъ, свобода есть монополія меньшинства, но и это меньшинство обладаетъ только свободой политической при полномъ отсутствіи свободы частной.

Въ Аѳинахъ мы видимъ гражданина непосредственно участвующимъ въ судѣ и законодательствѣ; здѣсь каждый гражданинъ имѣетъ рѣшающій голосъ въ политикѣ и, слѣдовательно, пользуется бѣльшей политической свободой, чѣмъ гражданинъ любого изъ современныхъ государствъ. Въ противоположность современнымъ государствамъ, управляющимся чрезъ народныхъ представителей, въ Аѳинахъ демось—народъ, какъ цѣлое, управляется самъ собою непосредственно, но такой властью народъ обладаетъ лишь, какъ политическое цѣлое; частное лицо, какъ такое, безправно; оно не обезпечено въ своихъ личныхъ правахъ и имуществѣ противъ произвола правящей партіи. Греція первая явила міру образецъ политической свободы, но она не знала свободы частной, гражданской. Непосредственное народное самоуправленіе обуславливается небольшими размѣрами государства, которое состоитъ изъ одного только города съ прилежащими къ нему селеніями и незначительнымъ количествомъ гражданъ. Въ Аѳинахъ, гдѣ въ самыя цвѣтуція времена было не болѣе 20 тысячъ гражданъ,—все населеніе могло вмѣщаться на одной площади. Чѣмъ меньше населенія, тѣмъ большаго напряженія всѣхъ силъ гражданина требуетъ военная защита государства; въ Греціи въ составъ войска входятъ поголовно всѣ граждане; здѣсь все населеніе непосредственно заинтересовано въ политикѣ, ибо сама жизнь и благосостояніе каждаго частнаго лица зависитъ отъ удачи войны, отъ того или другого направленія въ

политикѣ, отъ того, какая партія стоитъ въ данную минуту у кормила правленія. Только добившись власти, гражданинъ могъ считать свою жизнь и имущество въ безопасности.

Глава II.

ДОСОБРАТОВСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Древнее миѳологическое міровоззрѣніе смѣшивало міръ духовный и міръ тѣлесный: оно представляетъ вещественныя стихіи, какъ одухотворенныя существа. Но по мѣрѣ развитія философской мысли образуется представленіе о духовной дѣятельности, какъ о силѣ безусловно отличной отъ матеріи, и, съ другой стороны, представленіе о веществѣ безъ всякаго духовнаго элемента. Этотъ процессъ постепеннаго разложенія натуралистическаго міросозерцанія древней миѳологіи мы и видимъ въ древнѣйшій періодъ философій (досократовской) отъ Талеса до Анаксагора включительно. вмѣстѣ съ тѣмъ разлагается и политическое міровоззрѣніе грековъ, тѣсно связанное съ ихъ религіознымъ міросозерцаніемъ.

Первая попытка объяснить мірозданіе принадлежитъ Талесу. Вся природа, по его словамъ, «полна боговъ—*πάντα πλήρη θεῶν*». Здѣсь философія еще стоитъ одной ногой въ миѳологіи. Стихіи міра представляются не какъ чистое вещество: огонь, вода, земля—все это существа живыя для философа. Вся философія въ досократовской періодъ отличается натуралистическимъ характеромъ, и разрушеніе миѳологическаго міровоззрѣнія является не началомъ, а концомъ ея развитія. Философія пытается свести весь міръ къ одному началу, къ одной первоначальной стихіи. Философія этого періода поглощена исключительно изученіемъ внѣшней природы; человѣкъ разсматривается какъ несамостоятельная часть внѣшней природы; на этой ступени развитія философій ученіе о нравственности—этика—не могло быть выдѣлено въ особую область, ибо не назрѣло сознаніе отличія нравственной природы отъ физической. Здѣсь этика составляетъ лишь часть физики. Поэтому Аристотель называетъ этихъ досократовскихъ философовъ физиками. На этой ступени своего развитія философія отличается дѣтски-наивнымъ характеромъ. Родоначальникомъ греческой философій былъ Талесъ Милетскій. Онъ училъ, что вода есть сущность всего существующаго, что весь міръ произошелъ изъ воды и все въ воду обратится.

Къ такому возрѣнію привело Фалеса наблюденіе той роли, которую играетъ влага въ жизни растеній и животныхъ. Всѣ растенія питаются влагой, всѣ животныя произошли отъ жидкой спермы. Другое основаніе, какъ мнѣ кажется, это безконечная подвижность воды, ея текучесть и способность принимать различныя формы: въ виду этого вода должна была представляться примитивному сознанію живымъ, дѣятельнымъ началомъ, силой творческой.

Ближайшій преемникъ Фалеса Анаксимандръ училъ, что весь міръ произошелъ изъ безграничной и неопредѣленной стихіи, не давая ей ближайшаго опредѣленія. Безграничность этой стихіи доказывается тѣмъ, что она не исчерпывается при произрожденіи существъ, производя вѣчно новыя формы.

Преемники Анаксимандра, Анаксименъ и Діогенъ изъ Аполлоніи, удерживаютъ это понятіе безграничной неопредѣленной стихіи и опредѣляютъ ее, какъ воздухъ. Воздухъ всюду проникаетъ и создаетъ безконечное разнообразіе вселенной. По всей вѣроятности къ этому выводу привело наблюденіе процесса дыханія. Все живетъ и дышетъ и міровой процессъ представляется философу процессомъ всеобщаго дыханія. Всѣ упомянутые философы опредѣляютъ сущность существующаго, какъ однородную стихію, лежащую въ основѣ вселенной. Но какъ изъ нея возникаетъ разнообразіе сущаго, какъ объяснить гармоническое сочетаніе міровыхъ силъ? На эти вопросы мы еще пока не встрѣчаемъ никакого осмысленнаго отвѣта.

Поглощенная изученіемъ внѣшней природы, досократовская философія лишь мимоходомъ касается вопросовъ о правѣ и государствѣ. Въ досократовской философіи выразилось разложеніе натуралистическаго міросозерцанія древней міѳологіи, которое было тѣсно связано съ міросозерцаніемъ политическимъ. Этимъ досократовская философія расчищаетъ путь для новаго философскаго ученія о государствѣ, выразившагося въ бесѣдахъ Сократа, въ твореніяхъ Платона и Аристотеля.

Уже самая попытка философской мысли—изслѣдовать сущность и происхожденіе всего существующаго—предполагаетъ въ ней великую дерзость. Не удовлетворяясь популярными легендами о происхожденіи всего существующаго, философская мысль отрѣшается отъ унаслѣдованныхъ вѣрованій. Миѳическіе образы замѣняются философскимъ пониманіемъ дѣйствительности.

Интуиція (представленіе) закономерности мірозданія постепенно овладѣваетъ сознаніемъ философовъ. Пифагорейцы учатъ, что все существующее есть число и гармонія; безъ числа ничто не было-бы

познаваемо; весь міръ пребывалъ-бы въ состояніи безформеннаго хаоса. Число обуславливаетъ собою разнообразныя качества вещей: оно составляетъ условіе ихъ познаваемости и потому самому—реальная причина ихъ бытія. Все существующее носитъ на себѣ печать и подобіе числа. Число выражаетъ собою живую связь мірозданія, къ нему сводится нравственная и физическая природа. Все небо есть число и гармонія.

При всей наивности этого міросозерцанія въ немъ есть проблески смысла и разума. Въ природѣ философъ различаетъ строгій порядокъ, въ многообразіи ея явленій онъ усматриваетъ единство. Ему бросаются въ глаза однообразія въ смѣнѣ дня и ночи, въ чередованіи временъ года, въ движеніи свѣтилъ небесныхъ. Такое-же однообразіе поражаетъ его и въ жизни живыхъ существъ. Каждое изъ нихъ проходитъ тѣ же періоды юности, зрѣлости, старости, за которой слѣдуетъ смерть. Въ природѣ вѣчно повторяются одни и тѣ-же числовыя отношенія: одно и то-же количество дней въ году, въ лунномъ мѣсяцѣ, одно и то-же количество часовъ во днѣ. Въ этихъ и многихъ другихъ, повседневно наблюдаемыхъ явленіяхъ, правильно повторяются одни и тѣ-же числовыя отношенія. И вотъ все оказывается преисполненнымъ числа и гармоніи.

Единство въ разнообразіи—таково основное наблюденіе Пифагорейцевъ, выведенное ими изъ свойствъ числа. Символь такого единства есть число, ибо всѣ числа образуются путемъ сложенія и умноженія единицъ; всякое число есть единство многихъ единицъ, единство во множествѣ, въ разнообразіи. Все существующее имѣетъ число: число—одинъ изъ наиболѣе общихъ признаковъ вещей.

Плѣняясь этимъ чудеснымъ свойствомъ числа, Пифагорейцы понимаютъ число, какъ сущность всего существующаго, символъ порядка. Число для этихъ мыслителей, не умѣющихъ отличать символа отъ сущности, превращается въ дѣятельное начало, производящую причину всего существующаго. Числа у нихъ живыя и дѣятельныя существа: дѣятельностью чиселъ обуславливается разумный, гармоническій порядокъ мірозданія.

Въ міросозерцаніи Пифагорейцевъ мы уже можемъ прослѣдить начало разрушенія міѳологіи. Божественное для Пифагорейцевъ является въ образѣ числа. Это уже не личное, чувственное божество древней міѳологіи, а отвлеченное понятіе, созданіе полумиѳическое и полуфилософское.

И тутъ же въ связи съ этими философскими интуиціями зарождается новое политическое ученіе, уже отличное отъ народныхъ

возрѣній, и здѣсь вмѣсто чувственныхъ боговъ господствуетъ философская идея. Какъ въ космосѣ всюду господствуетъ порядокъ и гармонія, такъ и въ человѣческомъ обществѣ должна воцариться гармонія интересовъ, единство во многообразіи. Все въ человѣческихъ отношеніяхъ должно быть размѣрено числомъ, во всемъ должна осуществиться художественная пропорція. Пифагорейскій союзъ, кругъ учениковъ, единомышленниковъ Пифагора, послѣдовательно проводили эти начала въ практической жизни. Жизнь Пифагорейцевъ подчиняется строгому порядку. Весь день ихъ распредѣляется съ величайшимъ однообразіемъ; время каждаго занятія въ теченіи опредѣляется съ математическою точностью. Главная добродѣтель Пифагорейцевъ заключается въ подчиненіи строгой дисциплинѣ, въ самопожертвованіи личности ради интереса общественнаго. Въ связи съ этими началами мы находимъ у Пифагорейцевъ первые въ исторіи философіи зародыши коммунистическаго идеала. Ради осуществленія совершеннаго единства въ государствѣ должна установиться общность имущества. Только при такой общности имущества можетъ установиться въ обществѣ та гармонія интересовъ, которую требуетъ пифагорейскій идеалъ. Какъ ученіе Пифагорейцевъ лишь на половину отрѣшилось отъ мифологіи, такъ и самъ Пифагоръ представляется полумифической фигурой. Въ Кротонѣ, центрѣ его философской и политической дѣятельности, ему, подобно древнимъ законодателямъ Ликургу и Миносу, воздаются божескія почести. Въ послѣдующихъ философскихъ системахъ разложеніе народнаго міросозерцанія вступаетъ въ новую стадію. Въ основѣ мірозданія лежитъ единый вѣчный порядокъ.

Вслѣдъ за Пифагоромъ элейская школа философовъ проникается сознаниемъ этого вѣчнаго міроваго единства. Первооснова бытія едина и неизмѣнна; она не возникаетъ и не уничтожается, но вѣчно пребываетъ. Но если эта первоначальная основа, эта сущность всего существующаго едина и неизмѣнна, то она противорѣчитъ бытію конечныхъ явленій, въ которыхъ мы видимъ постоянное возникновеніе и уничтоженіе. Если безусловное и истинное бытіе едино, то оно не можетъ содержать въ себѣ никакого разнообразія, а потому и не допускаетъ въ себѣ никакого движенія, такъ какъ всякое движеніе предполагаетъ разнообразіе и множество. Истинно сущее не возникаетъ и не уничтожается; оно не дѣлимо и не движимо; но если такъ, то весь видимый міръ есть ложь и призракъ, все разнообразіе видимыхъ вещей есть результатъ чувственнаго обмана и не имѣетъ въ себѣ истиннаго бытія.

На этомъ результатѣ философская мысль успокоиться не можетъ. Она хочетъ объяснить разнообразіе вселенной и процессъ возникновенія вещей; между тѣмъ элейское ученіе во всемъ отрицаетъ всякій процессъ и разнообразіе. Вотъ почему элейской философіи, какъ неизбежная и естественная реакція, противопоставляется ученіе Гераклита, который, напротивъ, исходитъ изъ представленія непрерывнаго мірового движенія—процесса, въ которомъ рождается безпредѣльное множество существъ. Для Гераклита движеніе процессъ есть постоянный, существенный элементъ въ вещахъ. Все течетъ, все движется, все непрестанно измѣняется. Едва мы успѣли назвать вещь, какъ она уже стала другою. Въ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, постояннаго, кромѣ законовъ всеобщаго движенія и перемѣны.

Въ этихъ двухъ противоположныхъ системахъ Элейцевъ и Гераклита обнаруживается роковой разладъ философской мысли древнихъ физиковъ. Они не въ состояніи примирить многообразіе во вселенной съ господствующимъ въ ней вѣчнымъ единствомъ и порядкомъ. Плѣняясь идеей единства мірозданія, Элейцы отвергаютъ въ немъ всякій процессъ и разнообразіе. Усматривая непрерывное движеніе въ мірозданіи, Гераклитъ отрицаетъ какое-бы то ни было постоянство въ вещахъ; міровой процессъ представляется ему процессомъ непрерывнаго горѣнія, въ которомъ вѣчно все сгораетъ и остается одинъ лишь міровой огонь, все въ себѣ пожирающій. При всей своей противоположности названныя двѣ системы сходятся въ одномъ общемъ результатѣ—въ признаніи недостоверности нашихъ чувствъ. Міръ видимыхъ явленій есть ложь для Гераклита, какъ и для Элейцевъ. Для Элейцевъ потому, что они отрицаютъ какое-бы то ни было разнообразіе и движеніе во вселенной; для Гераклита потому, что вещи кажутся намъ пребывающими; вещи, которыя мы видѣли вчера, кажутся намъ тѣми-же, что мы видѣли сегодня, между тѣмъ какъ онѣ на самомъ дѣлѣ непрерывно движутся, измѣняются.

Въ этихъ двухъ ученіяхъ выражается уже совершенный переворотъ въ религіозномъ міросозерцаніи. Философія утрачиваетъ вѣру въ чувственныхъ боговъ. У Гераклита все это множество боговъ исчезаетъ и вмѣсто нихъ остается лишь безличное божественное начало—огонь, въ которомъ все сгораетъ. Для Элейцевъ истинное божественное бытіе едино. Основатель элейской школы Ксенофанъ ведетъ горячую полемику противъ боговъ народной религіи: существа, родившіяся, возникшія изъ стихійнаго хаоса,—они не суть боги; они подлежатъ всеобщему закону, въ силу котораго все родившееся

подвержено смерти, а потому не суть безсмертны божественныя существа. Другой аргументъ Ксенофана направленъ противъ антропоморфизма греческой религіи. Существа, во всемъ подобныя людямъ, со всѣми человѣческими слабостями и недостатками, не суть боги. Такимъ образомъ поэтическое міросозерцаніе древней мифологіи представляется Ксенофану продуктомъ вымысла и фантазіи.

Въ трехъ послѣднихъ системахъ досократовскаго періода разложеніе мифологіи представляется уже закончившимся; здѣсь уже вещество освобождается отъ всѣхъ тѣхъ чудесныхъ свойствъ, которыми надѣляла его мифологія; оно представляется, какъ косная бездушная масса, неспособная къ самопроизвольному движенію.

Въ системахъ Левкиппа и Демокрита мы уже встрѣчаемся съ первой попыткой чисто механическаго объясненія мірозданія. Весь міръ представляется этимъ философамъ результатомъ механическаго взаимодействія вещественныхъ атомовъ, которые отличаются между собою лишь величиной и фигурой. Въ системѣ Демокрита уже вовсе нѣтъ мѣста для чего либо мифическаго и чудеснаго.

Наконецъ, у Эмпедокла и Анаксагора какъ у атомистовъ мы находимъ чисто механическое представленіе вещества. Всѣ три ученія одинаково представляютъ матерію косной и бездушной; всѣ три признаютъ вѣчность матеріи. Элементы вещества вѣчно одни и тѣ-же—они вѣчно сохраняютъ свои основныя качества и не измѣняются количественно. Но между тѣмъ какъ для атомистовъ вещество исчерпываетъ собою истину всего существующаго, у Эмпедокла мы видимъ, съ одной стороны мертвое вещество и, съ другой стороны, нематеріальныя духовныя силы, которыя извнѣ имъ движутъ и управляютъ. У Эмпедокла міровыми двигателями являются двѣ полумифическія фигуры—любовь и ненависть. Любовь организуетъ стихіи въ прекрасное міровое цѣлое, а ненависть разрушаетъ дѣла любви, внося во все раздоръ и беспорядокъ. Наконецъ, у Анаксагора мы уже вовсе не видимъ никакихъ мифическихъ представленій. Чувственные боги исчезаютъ, и на сценѣ остается только мертвое вещество и единый міровой разумъ, который имъ движетъ и управляетъ. Этотъ божественный умъ безусловно нематеріаленъ; онъ всѣмъ движетъ и всѣмъ управляетъ, самъ оставаясь недвижимъ. Его дѣятельность опредѣляется двумя словами: *γυνώσκειν* и *διακονεῖν*. Онъ распознаетъ (*γυνώσκει*) элементы бытія въ ихъ подобіи и различіи и организуетъ (*διακονεῖ*) ихъ въ прекрасное и благоустроенное цѣлое. Этотъ божественный умъ не есть творецъ, а только верховный правитель, устроитель мірозданія. Вещество имъ

не создано и одинаково съ нимъ вѣчно. Онъ не въ состояніи измѣнить первоначальныхъ, отъ вѣка данныхъ свойствъ вещества.

Если сопоставить три послѣднія системы съ философіей родоначальника греческой философій Фалеса Милетскаго, который утверждалъ, что все полно боговъ, то мы увидимъ, что философія совершила огромный шагъ впередъ. Образный поэтический элементъ исчезъ, и остается чистое философское сознаніе. Міросозерцаніе изъ поэтическаго стало прозаическимъ; воображеніе уступило мышленію.

Анаксагоръ, утративъ живое разнообразіе мнѣическихъ боговъ, сводитъ весь божественный міръ къ единому божественному уму, къ чистой безплотной мысли, а Демокритъ вовсе изгоняетъ божественное изъ своей системы. Паденіе чувственныхъ боговъ неизбѣжно влечетъ за собой переворотъ въ политическомъ міросозерцаніи.

Въ народномъ міросозерцаніи древней Греціи политика не отдѣлялась отъ религіи, и всякій переворотъ въ религіозномъ міровозрѣніи отражался такимъ же переворотомъ въ политическомъ міросозерцаніи. Руководящимъ началомъ въ политикѣ служить для философа уже не откровеніе боговъ, а чистая философская мысль. Этотъ новый принципъ, еще не сознанный ясно въ досократовскій періодъ, присутствуетъ однако въ зародышномъ состояніи въ пиагорействѣ, чтобы потомъ выступить во всей своей опредѣленности въ ученіяхъ Сократа и Платона.

Религія въ древнемъ обществѣ служитъ объединяющимъ, связующимъ началомъ. Поэтому съ разложеніемъ религіи должны измѣниться основы политическаго міросозерцанія и политическаго быта Эллиновъ. За упраздненіемъ религіозной связи, скрѣпляющей греческое государство въ единый политическій организмъ, государство перестаетъ быть конечной цѣлью существованія личности; оно уже не есть всепоглащающій центръ жизни и дѣятельности. Отдѣльная личность выдвигается впередъ со своими требованіями; она уже не удовлетворяется тѣсными для нея рамками древняго государства — города. Самая цѣль философскаго мышленія выводитъ его за предѣлы этихъ ограниченныхъ и исключительныхъ мѣстныхъ интересовъ.

Анаксагоръ въ древности навлекъ на себя упрекъ въ томъ, что онъ не заботится о своемъ отечествѣ, на что философъ отвѣчалъ, что небо есть его отечество. Другое изрѣченіе его гласитъ, что человѣческая жизнь черпаетъ свой смыслъ и значеніе въ созерцаніи неба. Такимъ образомъ, народному міросозерцанію, которое полагаетъ высшую цѣль въ политической дѣятельности, противоплагается уединенное созерцаніе мыслителя. Философія, утверждающая,